

ДМИТРИЙ
ПЕРМЯКОВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЕЛЕЦ
ДЪМА

Дмитрий Пермяков

Велец Дьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649048

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-8978-5

Аннотация

Каждый человек мечтает, чтобы в его жизни произошло что-то необычное, но вот вынести это способны далеко не все. Парень по имени Лёня жил самой обычной жизнью, пока всё в одночасье не перевернулось в его мире. Скучная поездка к тётке в маленький тихий городок обернулась для юноши встречей с беспощадными тёмными силами, готовыми идти к своей цели до конца. Но какая роль отведена Леониду в этой истории, и сумеет ли он остаться в живых, если не станет выполнять то, чего от него ждут? В оформлении обложки использована фотография из личного архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	79

От автора

Посвящается моим родителям. Юрию и Елене Пермяковым.

Велец Дьма или Велец Дьмарен – каста древней расы Предтечей, которая отвечала за продолжение рода.

Второе значение этого словосочетания – расовое проклятие, на русский язык дословно переведённое как «Когда приходит призрак ведьмы».

Приведения, духи, призраки, полтергейсты материализуются и могут приносить физический вред лишь в одном случае – в воображении больного мозга.

Самовнушение человека служит эффективным оружием всех фантазий отрицательного характера, и вы даже не представляете себе, какие результаты дает наблюдение за этим феноменом.

Повествование, предоставленное ниже, являет собой совокупность изложений событий от третьего лица и выдержек из дневника Леонида Дачникова (далее сокращённо ВД)

Пролог

Просторную комнату наполняли рассеянные сумерки дождливого вечера. Серые и мрачные. Бардовый ковёр на полу был усеян пустыми бутылками из под алкоголя, в основном водки. Они валялись беспорядочно в подсохшей, дурно пахнущей субстанции. Тут же виднелись листы бумаги формата А4, заполненные мелким почерком и раскиданные повсюду. На полу, на кровати, на тумбочке у шкафа. Воздух насыщал смрад перегара. Цветастая занавеска тихо покачивалась на ветру, который дул в распахнутую форточку.

Мужчина, лет сорока, в деловом костюме тройке лежал на полу без движения. Его правая рука судорожно сжимала левую грудь, замяв в кулаке рубашку и лацкан пиджака. Лицо перекосило от боли. Вокруг него на четвереньках ползала женщина в длинном вечернем платье. Подол путался в ногах, один край обмотал её лодыжку и надорвался, но она не обращала внимания. Она собирала разбросанные листы бумаги. Многочисленные рукописи лениво колыхал сквозняк. Из уст женщины доносилось что-то вроде заунывного пения, напоминающее респонсорий или молитву. Глаза оставались пустыми. Казалось, она даже не замечает, что издаёт звуки. Её сосредоточенность говорила о важности действий, а возможно о безумии.

Листы, мелко исписанные неровным почерком, собирались по полу, доставались из-под кровати, выравнивались в стопку, ложились по нумерации, указанной в нижнем левом углу бумаги. Вскоре в руках женщины была пачка, сантиметра в два толщиной. Она села, поджав под себя ноги и слегка раскачиваясь вперёд-назад, стала тихо подвывать, закрыв глаза. Это тихое иступление длилось около пяти минут, потом она взяла с пачки верхний листок бумаги и принялась читать.

Глава 1

ВД

Что побуждает человека писать дневник? Начать его, не имея практики и опыта. Вероятно, желание поделиться с кем-то своими переживаниями или радостью. Сделать это можно конечно с близкими людьми: с другом или родителями, но порой боишься, что тебя не поймут, а, возможно, поднимут на смех. Или поймут, но не так как тебе хочется. Притворно посочувствуют переживаниям, вежливо посмеются над шуткой.

У Достоевского помню, были такие слова «Надо быть слишком подло влюблённым в себя, чтоб писать без стыда о самом себе» Это он писал об автобиографии, но дневник, на мой взгляд, то же самое, только эмоционально глубже. И, как правило, дневник не дают никому из посторонних.

Так для чего ведут дневник?

Мне, например, надо вынести в мир одну страшную историю и, если бы я решил вдруг поделиться произошедшими событиями, рассказать хоть часть, боюсь, меня бы не поняли. Не поверили. Или решили, что я сошёл с ума. А поделиться историей мне просто жизненно необходимо.

Поэтому дневник. В себе держать кошмар, который про-

изошел в городе Роук, я просто уже не могу, не осталось сил терпеть, а бумага всё стерпит. Молча примет мою историю, и передаст её дальше, как молчаливый, но ответственный почтальон.

Кафе «Горячие обеды» было одним из двух существующих заведений общепита в Роуке. В тёплый период года, примерно с мая по октябрь, располагалось оно по большей части на открытой, обширной террасе, под деревянным беседочным куполом, покрытым зелёной черепицей. С улицы на террасу вела широкая лестница с резными перилами. В дальнем конце площадки, за грилем и двумя торговыми автоматами такая же лестница, но уже и без перил, спускалась к реке Таймор в зону лесоперерабатывающего завода «Роук-Инн». Лесорубов с лесопилки зачастую можно было видеть около барной стойки Обедов, в том числе и в рабочее время, потягивавших пиво в компании местных завсегдатаев и пенсионеров. Они играли в шахматы, карты, перекидывались сплетнями.

Хозяин заведения, пожилой мигрант с Польши Мартин Шмидт, приехавший в Роук в далёких семидесятых со своим многочисленным семейством, знал, что его кафе единственное место в городе, где можно днём побездельничать в компании себе подобных за кружкой пива, и чувствовал себя неким царьком. Своего конкурента, одного на всю округу, татарина Рамиля, владельца клуба, он воспринимал с гордым

презрением.

Вторым развлекательным заведением в Роуке являлся как раз, так называемый ночной клуб под названием «Молодняк». Открывался он в шесть вечера и работал до последнего клиента, примерно до рассвета. Контингент «Молодняка» судя по названию, должен был составлять молодые люди, студенты, совершеннолетние подростки, но реальность была суровее. Уже во второе посещение клуба Леонид понял, что молодёжь не слишком жаловала клуб. По какой причине осталось тайной. Местное население само было тайной в обыденных предпочтениях, где проводить свободное время. Загадочный русский менталитет глубинки решил Лёня. Молодёжь более охотно собиралась на большой поляне в Ленском лесу в шести километрах от города, где устраивали танцы, посиделки у костра с распитием спиртного, драками и любовными актами соития в кустах. Народ постарше, лет за двадцать, отдавали предпочтение пляжу на восточном берегу Таймора, где было даже некоторое подобие удобств для отдыха. Деревянные лежаки, сколоченные из досок, мангалы для шашлыков и биотуалетные кабинки, невообразимо загаженные. Леонид ещё слышал о заброшенных штольнях в Спящих холмах, куда подростки забирались в поисках острых ощущений, но сам он не решился туда сходить.

Началась моя история в Роуке, именно там. В начале июня, на террасе кафе Мартина. Жара, помню, стояла просто чудовищная.

Роук. Небольшой городок, на границе округа БТ-2 с населением едва достигающим десяти тысяч. Посёлок городского типа, кажется, так называют такие поселения. Хотя местные с долей возмущения будут тебе доказывать, что Роук именно Город, а не посёлок. Правильно, кому хочется ходить под глумливым прозвищем деревенщина, все хотят статус горожанина.

Находится Роук в двухстах километрах западнее административного центра Холмтау. Холмтау – это город где я живу, и здесь же закончится моя эпопея. Сейчас мне надо написать, что именно положило начало жутким событиям, пройти по цепочке и дойти до сегодняшнего дня. Максимально сжато и содержательно. Начало было там, в обед на террасе, окончание здесь, дома, лёжа на кровати. Я не писатель, да и изливать душу особо не хочется, мне важно донести истину. А если даже если немного приукрашу события, не вижу ничего страшного в этом.

Про дневники. Кажется, их пишут на протяжении долгого времени, по мере поступления событий, вписывая их. Дневником, пожалуй, тогда свою писанину я называть не буду, скорее уж сочинение «Как я провёл лето». Ха! Прочти эту историю моя учительница литературы, она бы наверняка поседела. Вспомнил. Она и так седая, хотя не старая.

Наверно, кто-то из учеников уже успел поделиться своим незабываемым летом.

До обеда все двадцать столов на террасе в основном пустовали. Завсегдатаи из местных: работяги с лесопилки, пенсионеры кучковались у длинной барной стойки в компании Мартина, почти всё время заполняя разговорами и сплетнями. Батарея стаканов с пивом, разной степени отпитости, тарелки с сухарями, игральные карты покрывали стойку перед кучкой мужчин, которые периодически раздражались хохотом. К двенадцати часам, когда на лесопилке раздавался пронзительный звонок, напоминающий Лёне перемену в школе, шевеление в кафе усиливалось. Звонок сигнализировал обеденный перерыв и почти сразу от причала на реке начинали подниматься рабочие. Стекались они и из других частей города, частично с восточных коровьих ферм комбината «СкотРоук», с парка вагончиков временного жилья для сезонных рабочих и заправочной станции «Нольск-нефть», что располагалась у самой реки Таймор, при выезде из города.

Кафе Шмидтов предлагало достаточное обширное обеденное меню на любой вкус и стоило это не дорого. Поэтому большинство рабочих предпочитало питаться у него. Жена Мартина, то ли Фрида, то ли Грета, Леонид так и не запомнил, исполняла обязанности главного повара и надо признать, готовила она превосходно. Выглядела ещё эффек-

ней. Сто двадцать килограмм живого веса с грацией линкора. Её обширные бёдра, обтянутые белым фартуком, с неторопливым величием, двигались заданным маршрутом: плита, холодильник, барная стойка. Дочери Мартина, а их у четы Шмидтов было пятеро, работали официантками.

Лёня смотрел, как рабочие поднимаются на террасу, переговариваясь на ходу и скидывают фирменные куртки с логотипом «Роук-Инк», вешая их на спинки стульев. По причине удушающей жары, что воцарилась в Роуке недели две назад, некоторые из рабочих носили комбинезоны на голое тело, что лишало Леонида всякого аппетита. Торсы мужчин, загорелые, жилистые, волосатые, лоснящиеся потом, никак не способствовали поглощению еды, но открыто возмутится он не мог, боясь реакции хозяина. Раз Мартин позволяет в таком виде приходить к себе обедать, значит здесь это в порядке вещей. Тем более львиную долю выручки заведению приносили как раз работяги. Лёня понимал, что предъяви он претензию сейчас, завтра его просто могли не обслужить в Обедях, а днём в городе просто было негде убить время.

Лесорубы, грузчики занимали места, рассаживались по шатким пластиковым стульям, шумно галдели, смеялись в голос и по традиции громко требовали еды, хотя знали, что у Шмидта и его семейства к этому времени уже всё готово. Стандартный обед состоял из супа, салата, котлеты с гарниром и стаканом лимонада. Основным же источником дохода считалось пиво. Каждый из рабочих с завода выпивал за

трапезой как минимум по две кружки, закусывая фирменными сосисками, и Леонид никак не мог понять, почему им разрешено употреблять алкоголь в обеденное время? Правило компании? Поблажки со стороны руководства? Или форменное разгильдяйство и недосмотр? Раза два-три за эти две недели, проведённые в Роуке, Лёня видел людей из руководящего состава лесопилки. Это были молодые люди в нежно зелёных рубашках с галстуками и с планшетами под мышкой. Они никогда не приходили обедать в Горячие обеды, видимо стараясь держать дистанцию с рабочими, зато их часто можно было видеть на местном рынке уплетающих шаурму с киоска.

Лёня вздохнул, откинулся на спинку стула и снова погрузился в чтение книги, которую в это утро прихватил с полки. Это был старый детективный роман Чейза. Как раз то, что поможет убить час времени. Солнце пекло. На столе перед парнем стоял большой стакан лимонада со льдом, вокруг звеня ложками, обедали люди, впереди было лето каникул, и Лёня подумал, что ему очень хорошо.

ВД

Вы замечали наверно, что всяким гадостям в жизни предшествует прекрасное и беззаботное время. Может, стоит иногда в такие моменты счастья и благоденствия остановиться, оглядеться и сказать самому себе «Друг, солн-

це светит, ты счастлив, никаких проблем, будь предельно осторожен, беда идёт». Тогда глядишь и последующее дерьмо проскользнёт мимо. То, что оно будет наверняка, не аксиома, но как практика показывает явление частое. А может просто на фоне безоблачного неба, любая тучка кажется грозovým предвестником апокалипсиса.

С таким началом истории, никто не ожидает подобного финала. Тут даже сравнение тяжело подобрать. Разительный, режущий сознание контраст. Всплывая из памяти, вся эта гнусь начинает причинять душевную боль. Невыносимую порой, зудящую вибрацию в голове. Эта та боль, от которой хочется избавиться быстрым, эффективным способом. Убийством. Застрелить эту суку да поскорей! Осталось дело за малым: найти, где она обитает, в какой норе прячется. В каком-нибудь астрале? В параллельном мире? В твоём собственном мозжечке? Вопрос на миллион. Ладно, предположим, найду я её, и даже удастся уничтожить мерзкую тварь, искоренить душевные муки путем жёсткого убийства, а дальше...? Будет это Дальше? Общеизвестно, что душа неразрывно связана с телом до самой кончины. Получается смерть этой боли аналогична самоубийству? Суицид не иначе.

Мартин за стойкой сонно шурился, отмахивался от назойливых мух и из-за всех сил боролся со сном. Его друзья-за-всегдаши разошлись по домам на время пока рабочие обеда-

ют. Кто дела по дому доделать, кто просто подремать. К вечеру они снова стекутся в кафе посудачить, поиграть в карты и выпить уже чего покрепче чем разбавленное пиво. Ритуал этот повторялся из-за дня в день. Старшая дочь Мартина, некрасивая с лошадиным лицом, скучающе курила возле ванны для мойки посуды.

«Семейный бизнес» подумал Леонид, бегая глазами по строчкам в книге и ничего не понимая из прочитанного. «Интересно, какого это всю жизнь прозябать в глухомани вроде городка Роук: без перспектив уехать из семейного гнезда, выйти замуж и пожить по человечески? Наверно, тоскливо»

Рабочие, закончившие свой обед, откидывались на спинки стульев, удовлетворённо вздыхали, закуривали. Некоторые неспешным шагом двигались обратно в сторону спуска на лесопилку. Перед проходными воротами на завод, штабелем лежали доски, на которых они до конца обеда любили отдохнуть, развалившись и щурясь на слепящем солнце.

Придремавший Мартин клюнул головой, встрепенулся, оглядел полупустую террасу и широко зевнул, осторожно скосив глаза в сторону кухни.

«Фокус» улыбнулся про себя Леонид, периферийно уловив аккуратные манипуляции рук Мартина под стойкой. Глаза немца выражали безмятежность, тогда как руки доставали из-под прилавка бутылку водки, стакан. Жидкость без единого всплеска лилась в сосуд, бутылка исчезала. Фрау

Шмидт отворачивается к плите перевернуть шипящие котлеты и в это время стакан взлетает ко рту Мартина и так же быстро исчезает. Фрида или Грета, Леонид так и не вспомнил, поворачивается к стойке, подозрительно смотрит на покрасневшее лицо мужа, но, не заметив стакана, успокаивается.

ВД

Превратности судьбы хладнокровно переносят никто не в силах. Всегда есть НЕЧТО, что собьет с ног, выбьет из привычной колеи жизни, раздавит, повалит и уничтожит. Удар, если он достаточно силен, с маской безразличия встретит только безумец, который смотрит на мир сквозь свою сумасшедшую призму неизбежности. Человек, с уравновешенной психикой, обязательно угробит сотню другую нервных клеток, что впоследствии выльется в психоз. Повторюсь, всегда есть Нечто.

И все подсознательно боятся это НЕЧТО, а страх порождает сомнения, и человек, достаточно мнительный, порой задаётся вопросом, нужно ли жить, стоит дальше обременять свет своим боязливым существованием? Мысли атакуют ослабевший от нервной встряски мозг. Они, противным роем злобных пчел, жужжса в голове, пожирают остатки терпения, потихоньку сводя с ума.

«Зачем ты сделал это? Ты виновен, виновен, виновен...».

Нашептывает совесть своим отворотительным, визгливым и всюду проникающим голосом. «Куда хочешь беги, что хочешь пей, колись, нюхай всякую дрянь, от меня не избавишься».

И правда. Укоризненный глас души не заглушишь. При жизни от него можно лишь частично абстрагироваться и то не всегда и ненадолго. Уж лучше сразу искоренить и уничтожить путем убийства... самоубийства как выясняется.

Сумбурные мысли. Сумбурная писанина. Простите...

Меня зовут Леонид Дачников. Я пишу эти строки, лёжа на кровати. На данный момент, мое душевное состояние оставляет желать лучшего. Сегодня 12-ое октября. Наверно.

Все эти размышления, плод пораженного бедою мозга. Почерк очень корявый, потому что руки трясутся. Возможно от дикого похмелья.

Меня атакуют воспоминания. Набегают как ледяные волны на берег обнажённых нервов сознания. Жуткие воспоминания, о которых лучше забыть и не вспоминать. Тяжелая депрессия душит меня длинными, корявыми пальцами, и выбраться из ее цепких объятий нет ни единого шанса. Безысходность данного положения, добавляет лишнюю тонну на уже изрядный груз, весящий на душе, и никуда от этого не денешься.

Я физически чувствую... чувствую, как что-то огром-

ное, темное и злобное выбирается из глубин подсознания. Некий монстр, готовый поглотить меня целиком, отправив навечно в мрачный лабиринт безумия. Я знаю, что не вынесу встречи с жуткой тварью и когда оно выберется наружу, я вероятнее всего умру от страха, лишь посмотрев в его глаза.

Мне пора в психиатрический диспансер. Интересно чем там кормят, умираю с голоду.

Все забавные вещи в жизни имеют один минус – при постоянном повторении они начинают надоедать. Лёня понял, что за прошедшие две недели, которые он провёл здесь в городе Роук, округа Нольск, его уже не забавляет ловкость Мартина напиваться втайне от жены, хотя изначально ему было интересно наблюдать за этой комедией. А больше развлечений в этом месте не было. Убивать время приходилось либо в кафе Мартина с книжкой и лимонадом со льдом или в ночном клубе «Молодняк», который открывался только в шесть. Дома сидеть Лёня зарёкся сразу по причине непомерного трудолюбия своей тётки Зинаиды, у которой он гостил. Та всегда находила для него работу в огороде или по хозяйству. Прополоть, натаскать, нарубить. После первых трёх дней рабства на участке, Лёня решил, что уж лучше гулять по окрестностям Роука без дела, глаза по сторонам, чем окучивать картошку или выгребать дерьмо из-под свиней. С утра он сбегал из дома, просиживал до вечера в «Горячих обедах», гулял, а вечером шёл в Молодняк. Так прошло две

недели.

ВД

Спроси любого человека, как бы он хотел умереть с учётом неизбежной смерти. Самый частый ответ будет – безболезненно и быстро. А как вам перспектива уйти в мир иной от разрыва сердца, вследствие сильного испуга после встречи с кошмаром? Вот и я не в восторге. Поэтому я осознано решил покончить жизнь самоубийством. Не знаю, правда, получится у меня или нет. Хватит ли духу.

Пистолет заряжен и лежит рядом со мной на одеяле. Раз-а три я проверил, вставлен ли патрон в магазин. Вставлен. Остаётся только передёрнуть затвор, засунуть ствол себе в рот, помолиться, если будет желание и нажать на курок. Дальше темнота, тишина и забвение. Никаких тебе проблем, никаких мук совести, предсмертных криков ужаса, ничего.

Дневник, сочинение, мемуары, так и не определился, как это назвать, будет финальным штрихом в моём брэнном существовании.

И началось всё это, когда...

... я увидел тупфли. Сидел, уставившись в пол невидящим взглядом, отложив книгу, потому что уже не понимал, о чём читаю. Чёрные такие тупфли лодочки, слегка запылен-

ные. Потом само собой заметил, что в туфлях кто-то есть, и этот кто-то стоит сейчас передо мной и ждёт. Или спрашивает.

– Можно присесть? – донёсся голос и Леонид, очнувшись от глубокой задумчивости, поднял глаза. – Всё занято. – Пояснили ему.

Дачников сморгнул сонную поволоку с глаз и разглядел, наконец-то, незнакомую девушку, которая стояла перед ним, несколько смущённо оглядывая переполненный зал. Невысокая, худая с длинными, чёрными волосами, забранными в конский хвост.

В кафе тем временем на смену рабочим с лесопилки пришли работники близлежащих ферм. Отличались они как спецодеждой тёмно-синего цвета, так и комплекцией. Если лесорубы сплошь и рядом были худые, жилистые с обветренными лицами и заросшими бородой, то фермеры в основной массе выступали довольно тучными, рыхлыми, с бледными лицами, что говорило о работе преимущественно в молочных и мясоперерабатывающих цехах.

– Конечно, садитесь, – махнул Лёня рукой, недоумённо оглядываясь. Он даже не заметил, как одна партия работяг ушла, а вторая заполнила всё кафе. Ещё он обратил внимание на то, что некоторым пришлось тесниться вдесятером за одним столом, сдвинув стулья, но, тем не менее, никто не подсел к нему. Дочки-официантки лавировали между посе-

тителей с подносами полными тарелок. Жаркое, щи, салат из свежих огурцов. Блюда ставились перед людьми, пустые тарелки забирались. Звон вилок, ложек, бокалов, взрывы смеха.

– Вы меня слышите? – поинтересовалась девушка. Она чуть наклонилась, подозрительно заглядывая Лёне в глаза. Видимо, чтоб удостоверится, что тот не пьян. – Я ненадолго присяду, пообедать? Все места заняты.

– Да конечно, – громче сказал Дачников, поняв, что в первый раз девушка его не услышала.

– Если что я Катя, – улыбнулась незнакомка, вешая сумочку на спинку стула и присаживаясь. – Всё никак не разгребу место на кухне, чтоб готовить самой дома. – Непонятно сказала она. – Приходится питаться здесь или покупать в магазине полуфабрикаты. Но от яичницы и замороженных котлет меня уже тошнит.

Лёня не нашёлся что ответить, потому что не понял, к чему было это признание, и чтоб скрыть неловкость, отпил из бокала лимонад. Тот нагрелся и выдохся. Катя внимательно изучала меню.

– А почему в том зале никто никогда не сидит? – спросил Дачников, просто чтоб сказать что-то.

Основное здание кафе из красного кирпича стояло на возвышенном фундаменте, от которого шла сама летняя терраса. Там располагалась кухня, просторный зал с панорамными окнами на всю стену и бильярдный стол, на котором, судя

по ветхому виду, очень давно никто не играл. Девушка оторвалась от меню, оглянулась на кафе и пожала плечами.

– Наверно потому что там температура как в аду. В такое пекло лучше на открытом воздухе разве нет? А кондиционеров в этом городе не сыщешь ни в одном заведении. И тем более их нет у Шмидта.

– В Молодняке есть, – сказал Лёня, вспомнив, что в клубе у Рамиля висело два больших агрегата под потолком.

– Я давно здесь не была, – Катя подпёрла щеку рукой и с долей грусти осмотрела многолюдное кафе. – Много изменилось с моего последнего визита в Роук. Раньше и терраса была меньше и народ другой.

– Другой?

– Знакомых лиц больше, – улыбнулась Катя и снова обернулась на здание кафе. – Помню когда наступали осенние холода, и здесь на площадке сидеть было невозможно из-за дождя и ветра, Шмидты перебирались в основной зал. Снимали чехлы с диванов, мыли полы, застилали скатертями столы, устанавливались обогреватели. А потом объявляли вечер закрытия летнего сезона и угощали всех посетителей яблочным пирогом. Фрида его просто великолепно готовит.

«Всё-таки Фрида, а не Грета» подумал Лёня.

ВД

Момент знакомства я помню отчётливо. Она села ко мне

за стол, заказала еду, и мы как-то сразу непринуждённо начали болтать. Темой разговора тогда стал городок Роук.

– Так ты не отсюда? Не с Роука? – спросил Леонид, принимая у официантки стакан с лимонадом. – Сказала, что давно здесь не была.

Катя жевала жареный сэндвич с ветчиной.

– Я здесь родилась и выросла. – Ответила она, – Лет в десять мои родители забрали меня и брата в другое место. Переехали в более оживлённый город. Отец считал, что здесь у меня нет будущего. Или есть, но весьма мрачное. Выйти замуж за местного пьяницу, нарожать ему детей и до конца жизни ходить с огрубевшими, от работы на ферме, руками. – Катя хихикнула. – Возможно, он был прав. В Новгороде я, по крайней мере, получила хорошее образование и устроилась на перспективную должность менеджера. Уже жду не дождусь когда вернусь к работе.

– Давно приехала?

– Месяца три уже здесь. Тоска смертная. Не понимаю, как я могла находить в детстве эти места очаровательными.

– В детстве на мир смотришь другими глазами, – улыбнулся Лёня. – Всё вокруг кажется ярким, интересным, запоминающимся. А что заставило тебя вернуться сюда?

– Здесь жила моя бабушка долгое время после нашего отъезда. Мы редко её навещали. Потом она умерла, четыре года назад, оставив по завещанию мне дом. Сам понимаешь,

что переезжать сюда я не собираюсь, я уже человек города, сельская жизнь не по мне, а вот продать особняк и на вырученные деньги купить в Москве или Подмосковье приличное жильё, это вполне себе нормальная задумка. Поэтому я здесь. Привожу заброшенное жилище в товарный вид и надеюсь поскорее его продать.

Леонид задумчиво потеревил подбородок, потом ткнул пальцем в сторону северной окраины Роука.

– Я видел, – закивал он. – Там целый микрорайон старых, богатых домов. Особняков, как их называют. Первых жителей и основателей этого поселения. Тётка что-то рассказывала мне про них, но я не слушал. Гулял на той неделе, видел, что там по большей части брошенные дома.

– Есть такое, – помрачнела Катя. – Правда, не брошенные, а нежилые. Наследники, такие же, как и я, почти все живут в больших городах по России, и им особо дела нет, чем они там владеют в богом забытом месте. Я прочитала в интернете, что Роук всё же считается перспективным поселением и что рано или поздно здесь проложат трассу и цена на землю подскочит, поэтому решила подсуетится уже сейчас, пока государство не прибрало к рукам всё, до чего может дотянуться.

К столику подошла младшая дочь из семейства Шмидт.

– Не хотите шоколадного торта? – кисло спросила она у Кати. – Мама только из духовки его достала. Сказала, чтоб я предложила его всем посетителям, пока не остыл.

– Хорошо, – пряча улыбку, ответила та. – Несите. И стакан

вишнёвого морса.

– Мне тоже, – отозвался Лёня. – Торты и морса.

– Бедолаги, – чуть слышно проговорила Катя, когда официантка отошла. – У всех дочек Мартина на лице такая вселенская тоска, что у меня аж оскоминой зубы сводит. А что на счёт тебя Леонид? Какими судьбами ты здесь?

– Я из Холмтау приехал. Погостить к тётке на пару месяцев. – Увидев недоумённый взгляд Кати, Лёня засмеялся. – Не по собственному желанию, поверь. И не по принуждению. Скорее, чтоб получить предмет давнего вожделения.

– И что это за предмет? Серебряный роллс-ройс?

Дачников засмеялся и покачал головой.

– Почти. Пока только водительские права.

ВД

В один из дней, кажется это было в начале июня, отец позвал меня на кухню поговорить о важном. Типа семейный совет. К тому времени я уже сдал все экзамены, отгулял на выпускном балу и оставил школу в прошлой жизни. Впереди ждал институт, волнующая жизнь студента и новые впечатления. Мама приготовила нам на завтрак оладьи и в кругу семьи мне поведали о предстоящей командировке.

– Этот договор позволит нам открыть свой филиал в Холмтау, – самым увещательным тоном говорил Геннадий

Дачников, смотря на посмурневшее лицо сына. – Такой шанс выпадает раз в жизни. Мы с мамой десять лет убили, горбачась на этого прохвоста Бигнеева и теперь, наконец, появилась возможность самим возглавить отделение в нашем городе. Понимаешь, Лёнь?

– Мы не забыли про твою заветную мечту о водительских правах, – пропела Светлана Дачникова елеиным голосом набожной прихожанки. – Пришло время воплощать мечты в реальность.

– Вы обещали мне оплатить обучение на права после окончания школы, – хмуро пробасил Леонид. – А теперь говорите, что я ещё должен какое-то время пожить у чёрта на рогах.

– Обещали, – кивнул Геннадий, нервно потирая щёку. – И выполним обещание. Оплатим полный курс и...

– И за то, что ты поживёшь у тёти Зины в Роуке, пока мы будем в командировке, ты бонусом получишь... – Светлана бросила быстрый взгляд на мужа. – Получишь некоторую сумму денег из гонорара за контракт...

– На которую сможешь купить себе поддержанную машину, – закончил Геннадий и лучезарно улыбнулся.

Родители выжидающе смотрели на скисшего сына, который уронив голову на руки, лежал на столе.

– А без поездки в этот мухосранск можно обойтись? – глухо спросил он. – Ну лето же... – Лёня поднял голову и вперил несчастный взгляд в папу с мамой. – Мы с пацанами столько

запланировали. Походы, гулянки, велотрек... Да и как я поеду в конце концов? Экзамены на носу!

– Сын, – уже жёстко перебил его Геннадий. – Экзамены сдашь экстерном, мы уже договорились. Мы не можем взять тебя с собой за границу и не можем оставить одного здесь. А едем мы однозначно. Контракт обеспечит нам безбедное существование весь остаток жизни. Некоторое время под присмотром моей сестры не убьёт тебя, зато потом всё окупится с лихвой. Сейчас мы хотим, чтоб ты без явного принуждения и давления поехал погостить в Роук, и обещаем тебе за терпение достойную награду.

Леонид тяжело вздохнул, потёр лицо и убитым голосом спросил.

– Сколько мне там куковать?

ВД

Я мечтал о правах, я мечтал о собственной машине. Те парни, у которых было и то и другое, пользовались бешеной популярностью у противоположного пола и авторитетом у друзей. Машина добавляла статуса полубога. У моих ровесников, да и у меня пределом мечтаний был чёрный джип «тойота». Этакая чёрная громада в четыре привода под негласным названием Бабицеловка. Эта мечта маячила перед глазами в тот день на кухне, только протяни руку и возьми. Само собой я заранее согласился на все их условия, а

спектакль обиженного сына сыграл, чтоб набить себе цену.

– Сколько?! Вот чёрт! – воскликнул Леонид, когда отец озвучил условия, выполнив которые он смог бы получить заветные права.

– Не ругайся, – одёрнула его мама. – Не всё так страшно. Два месяца это максимальный срок, на который мы уедем. Я уверена, что заключение договора и решение остальных мелких дел пройдёт быстрее, и мы вернёмся в начале июля. Да, Ген?

Задумавшийся Геннадий встрепенулся и энергично закивал.

– Месяц, – твёрдо сказал он с явным сомнением на лице. Потом добавил – Плюс минус неделя.

– Не думай о сроке сынок, – мама подошла к Леониду, обняла и чмокнула того в макушку. – Время пролетит незаметно. Я уверена, что в Роуке куча интересных мест, куда можно пойти развеяться и погулять. Денег мы тебе дадим, чтоб ни в чём себе не отказывал. Просто нам спокойнее будет работать, зная, что ты под присмотром.

– И всегда держи в уме машину сын, – ободряюще улыбнулся папа. – Свой чёрный джип.

– Машина это круто, – Катя покивала головой, отщипывая от шоколадного торта кусочки и отправляя в рот. – То есть твоя задача отсидеть здесь свой срок под присмотром

тётки, а потом, когда родители вернутся из командировки, вернуться, сдать на права, купить машину и с шиком въехать на ней во двор института?

– Как-то осуждающе звучит это в твоих устах, – засмеялся Лёня, чувствуя себя немного неловко. – Что в этом плохого?

– А чем они занимаются? Твои родители? Бизнесмены какие-нибудь?

– Я сам толком не знаю, – он смущённо почесал в затылке. – Вроде они покупают какие-то сырые разработки, патентуют, нанимают людей, которые доводят всё это до ума и перепродают. За границу чаще всего. Не пыльная вроде работа, правда, частые командировки это неотъемлемая её часть. Как я понял, они хотят открыть представительство у нас в Холмтау и разъезды сократятся. Я надеюсь на это.

– Судя по всему, платят за эти разработки неплохо, да? – Катя поджала губы. – Я имею в виду то, что тебе достаточно посидеть пару месяцев в деревне, чтоб купить машину, тогда как обычному рабочему придётся копить не один год на подобное.

Леонид вспыхнул.

– Ты обвиняешь меня в мажорстве? Да, мы хорошо зарабатываем, живём в Самуре и можем себе позволить почти всё. Но что в этом такого? Мы ж не воруем...

– Самур? Это что такое?

– Это... район в Холмтау. Там живут люди, с достатком выше среднего, так скажем.

Катя вдруг неожиданно обаятельно улыбнулась и слегка шлёпнула Лёню по руке.

– Да ладно, не дуйся, я тебя дразню. Просто есть какая-то подсознательная неприязнь к деткам богатых родителей. Всё-то вам легко даётся. Но ты вроде ничего, не заносчивый, не высокомерный.

Леонид с облегчением выдохнул. Возникшее напряжение от неодобрительного тона Екатерины заставило его устыдиться своего положения, что огорчило его. Девушка ему начала нравится.

– А почему тебя не оставили дома одного? – спросила Катя, легко вернувшись к прежнему непринуждённому общению. – Ты можешь натворить дел?

– Не в этом дело, – отмахнулся Лёня. – Раньше они тоже уезжали за границу. На неделю и на две. Со мной оставался жить в доме брата отца дядя Гриша. Он тихий выпивоха, но ответственный. В случае чего может включить мозг и разрешить проблему.

– Выпивоха? Алкаш что ли?

– Вроде того, – быстро ответил парень. – Живёт он на наши средства, никому не мешает, в неприятности не влезает. Немножко с головой у него не в порядке после войны в Чечне. Вернулся какой-то странный. Вот он всё время и приглядывал за мной.

– А что сейчас с ним? Почему его не оставили с тобой?

– Он... в больнице. Заболел.

Лёня отвёл взгляд, и чтоб скрыть неловкость помахал Мартину рукой, чтоб подошла девушка принять заказ. Катя сделала вид, что ничего не заметила и сменила тему разговора.

ВД

Замяв щекотливую тему про дядю Гришу, Катя спросила, какое моё первое впечатление от города Роук. Большинство людей, впервые посетившие его, брала оторопь. Я сказал, что вид на город, открывающийся с пригорка, куда взобрался старый автобус, меня поразил. Даже вогнал в ступор. Хотелось вслух крикнуть «Это что такое?!» Кричать я не стал, просто спросил водителя, кроме нас в салоне уже никого не осталось, и тот ответил, посмеиваясь. «Это Роук, парень». Следующий вопрос я даже сформулировать не смог. В последующие два три дня первое впечатление схлынуло, глаз замылился на необычном убранстве города, но тот момент первого лицезрения этого места оставил неизгладимый след в душе. Это как первый раз увидеть море. Никогда не забудешь.

Перед приездом про Роук я знал только одно, что он есть. Ради любопытства созвонился с другом Васей Шибковым и попросил накопать информацию в интернете про это место. Достопримечательности, архитектура и есть ли что вообще интересное в городке. В общих чертах.

«Провинция» сказал Вася, прижимая телефонную трубку плечом и водя курсором мыши по экрану монитора «находится в западной части округа БТ-2, на Нольском плато. Посмотри на карту, Дачник, видишь, как он втиснут в середину Спящих холмов, раздвигая их, оказывается в некоем подобии круга? Это называется Чашей Енота.

«Енота? Почему?»

«С восточной стороны город подпирает Ленский лес, и в тех местах в изобилии водятся еноты-полоскуны. Можешь устроить себе экскурсию и полюбоваться на этих животных в естественной среде. Только не лезь тискать их, это не те задроченные еноты из зоопарка, которые так забавно потирают лапки и вообще служат объектом онанизма и умиления. Это хищник, и дикий енот довольно таки драчливый и храбрый зверь»

«Спасибо капитан энциклопедия, ещё что-нибудь?»

Вася покликнул по странице сайта.

«Да больше особо ничего интересного, Дач. Население едва достигающее десяти тысяч. В Ленском лесу базируется одно из самых больших предприятий лесозаготовки «Рок-инк». Фермерское хозяйство, мясокомбинат, молочный комбинат, не сказать, что городок погибает как большинство деревень в России. Производство растёт, есть рабочие места. Река Таймор протекает через основную часть города, и на ней к году к 2015 ому году планируется постройка ГЭС.

Через пятнадцать лет короче. Есть шахты по добыче драгметаллов, но ресурсы практически исчерпаны»

«Слушай, я не собираюсь баллотироваться на пост мэра в этом колхозе. Мне бы отсидеться до приезда родителей. Есть там какие-нибудь экскурсионные маршруты?»

Шибков ещё раз пролистал страницу.

«Из местных достопримечательностей: водопад, который называется ЭМЭм, в лесу так называемый святой источник, куда религиозные люди стекаются раз в год и на холме ферма ветряных мельниц. Всё»

«Не умереть бы от веселья...»

ВД

Дорога через Холмы, а правильной Спящие Холмы, представляла собой разбитую донельзя грунтовую полосу препятствий. Меня особо никогда не укачивало в транспорте, но через час качки и подскоках, замутило до невозможности. Я сидел, сдерживая тошноту, смотрел в окно и когда увидел железную вывеску «Добро пожаловать в Роук», восславил всех богов, потому что понимал – ещё полчаса тряски и весь съеденный завтрак окажется на полу автобуса. Вывеска пестрела ржавыми разводами, накренилась и почти упёрлась одним боком в землю. Что там говорил Вася? Перспективный населённый пункт?

Изначально папа сам хотел отвезти меня в Роук, но в по-

следний момент планы поменялись из-за переноса рейса, и мне пришлось сесть на маршрутный автобус Холмтаун-Роук. Ходил он раз в сутки. После того, как мы проехали указательный щит, за окном начали проплывать длинные ангары, под сенью больших водонапорных башен, ветряные мельницы, которые в живую я видел первый раз в жизни, а потом автобус нырнул под зелёную арку Ленской чащи.

Меня тошнило всё сильнее, двигатель автобуса натужно визжал, грозясь умереть на очередном подъёме, меланхоличная неторопливость водителя выводила из себя, но когда мы взобрались на холм, и перед нами открылась панорама Роука, всё вмиг вылетело из головы. Помню даже не смог сдержать удивлённого возгласа «Что это такое?!»

Леонид вскочил со своего места и приник к окну, поражённый зрелищем, которое открылось его взору. Уже стемнело, поэтому произведённый эффект от контрастности тьмы и света был ошеломляющий.

– Что это такое?! – вырвалось у него.

Весь город горел и переливался сотнями и тысячами разноцветной рекламы. Просто царство смешанных огней, гирлянд, светящихся вывесок и лайт-боксов.

– Мы где? В Лас-Вегасе? – спросил Лёня водителя. – Или это Диснейленд?

Потёртый жизнью мужичок за рулём, на табличке приборной панели говорилось, что его зовут Степан, тихо захихи-

кал, по-видимому, довольный произведённым эффектом.

– Это Роук, парень. В первый раз здесь, – утвердительно кивнул он. – Все в первый раз в восторге. Или пугаются. Или и то и другое. А потом начинают задавать вопросы: а что, да как, да почему. Я уже десять лет на этом рейсе и ни разу никто не промолчал, увидев Роук.

– Трудно удержаться, – согласился Лёня, всё ещё не веря своим глазам. – Здесь праздник какой-то планируется? День города? Ярмарка? День рождения короля наружной рекламы?

Водитель залился скрипучим хохотом.

– Всё проще, парень. Как там говорят, прозаичней.

Припав к окну, Лёня наблюдал, как из сгустившихся сумерек на них движется сверкающее озеро света. Границы города чётко можно было определить по светящемуся контуру на окраинах. Окружающие холмы при таком контрасте тонули в непроницаемой тьме.

– Как такое возможно?

Водитель со смешком покачал головой. Автобус начал спуск с холма и уже было видно, что город разделён посередине главной улицей, от которой перпендикулярно в стороны расходились второстепенные. Высились церковные луковки храма, виднелся Дом культуры, типовой застройки с колоннами на фасадной части и ряд пятиэтажных хрущёвок.

– Откуда столько рекламы? И зачем? – Растерянно пробормотал Лёня, размышляя, в чём же тут подвох. – Может,

какой-нибудь туристический маршрут здесь пролегает?

– Неее, – протянул Степан, прикуривая вонючую папиросу. – И вряд ли когда будет пролегать. Смотреть здесь не на что. Из всех достопримечательностей только небольшой водопад, какой-то святой источник в лесу и мельницы на холме. Не думаю, что туристы решаться проделать такой путь ради водички и ветряков. Дорога сам видел какая убитая.

– Тогда откуда здесь всё это? И зачем?!

Справа оказался бревенчатый дом, на воротах которого висел большой лайт-бокс с широко открытым глазом. Внизу мерцающего стенда когда-то была надпись, которую старательно замазали синей краской.

– Как мне рассказывали, – отозвался водитель после минутного молчания, – пару лет назад сюда заехали три фуры, битком набитые вот этим сверкающим великолепием. Рекламой то бишь. Большой заказ из столицы.

Дачников посмотрел на Степана, нутром чувствуя какую-нибудь невероятную историю. И не ошибся.

– А потом пошла чертовщина, – хмыкнул тот. – Но я расскажу только со слов местных, сам то я не видел. Водители фур клялись, что двигались по основной трассе М-5, в сторону Тенебриса. Никуда не сворачивали и нигде не останавливались. Каким образом они очутились в этом богом забытом месте никто так до сих пор и не понял. А разобраться не успели.

– Не понял. Они уехали что ли?

– Исчезли, – коротко бросил водитель и выкинул остатки папиросы в форточку.

Леонид подозрительно уставился на немолодого мужчину за рулём, раздумывая, не разыгрывает ли он его. Или он просто пересказывает одну их городских легенд?

– Как исчезли? Куда?

Тот пожал плечами.

– Приехали поздно ночью, перепуганные, начали названивать своему начальству, но не дозвонились. Решили остаться ночевать, чтоб поутру выяснить, как они могли оказаться в тысяче километров от основного пути. Местные помогли разместиться. А на утро никого в комнате не оказалось. Как будто испарились.

Дачников решил больше вопросов не задавать уставился в окно. Он не очень любил таинственные и необъяснимые феномены.

– Так как хозяев этих гирлянд, так и не нашли, – продолжил мужчина, – какое-то время спустя жители растащили рекламы себе.

– А зачем?! – уже ничего не понимая воскликнул Лёня. – Зачем вешать непонятно какую рекламу себе на дом?

Стёпа одарил его сочувствующим взглядом, мол, не понимаешь ты ничего и ответил.

– Да сам подумай, городской. Это у вас там, в мегаполисе, фонари горят, светло, тепло и мухи не кусают. А в таком месте как Роук темно как у негра в жопе, освещалась, дай

бог главная улица. Мэр только и может что жаловаться, мол, бюджет урезают, средств выделить не можем. Проворовались само собой, а поди докажи. Хоть дороги немного подлатали и на том спасибо. Вот горожане и вышли из ситуации. Понавесили на своих участках эти короба, теперь светло как днём.

– Это какой же им счёт за электричество приходит каждый месяц?

– Эт не знаю, – засмеялся Степан и свернул на площадку автовокзала. – Знаю, что лампочки вроде как энергосберегающие и сильно по карману не бьют.

Мартин деловито жарил сосиски на гриле, переворачивая их деревянной лопаточкой. Холодное пиво «Лига» и домашние колбаски значилось в меню коронным блюдом «Горячих обедов» и шло под названием «Кусь Германии». Леонид посмеялся над словосочетанием и в первый же день снял пробу этого популярного блюда. Тем более что мужское население жителей Роука отдавали дань этому лакомству целыми днями. Впечатления на Дачникова «коронка» не произвела. Если пряные сырокопчёные колбаски, которые Шмидты крутили собственноручно, были довольно вкусными, то водянистое разбавленное пиво портило общую картину. И ещё оно ощутимо давало в голову после первой кружки, не иначе без примесей тут не обошлось.

Одна из дочерей Мартина, видимо сжалившись над ста-

рым псом Бимом, томящимся от жары около крыльца, вынесла ему чашку с водой. Тот застучал хвостом от благодарности и принялся жадно лакать.

От пустыря за городом, шаркая сандалиями и поднимая пыль, шагал Коля Тимченко. Местные прозвали его глумливым прозвищем Домовой. Возможно, дело было в копне грязно-рыжих волос, которые словно гнездо венчали его голову, а возможно в постоянно чумазом лице. Сходство с Кузей из мультфильма завершала красная байковая рубашка в цветочек, которую он не снимал круглый год. Целыми днями Колю можно было видеть пьяным в различных местах города. Он шлялся по улицам, нанимался сделать мелкую работу: нарубить дров или наносить воды, клянчил деньги у знакомых и пропивал их. В каждом небольшом городке имелся подобный субъект – бездельник и алкаш. Своего дома у Тимченко не было, а ночевал он по разговорам на старой заброшенной конюшне разорившегося фермера Марьянова.

Коля не спеша прошаркал мимо террасы кафе, высматривая присутствуют ли среди посетителей знакомые, у которых можно выпросить кружку пива. Видимо не нашёл, потому что разочарованно и демонстративно вздохнул. Остановился возле лестницы и неожиданно пнул чашку с водой, из которой лакал пес. Бим взвизгнул от испуга, отпрыгнул и оскалился. Коля захохотал, и попытался поддать ему ногой, за что тут же получил тряпкой по голове от фрау Шмидт.

– Пошёл отсюда! – гаркнула дородная тётка и снова замах-

нулась. – Никому житья не даёшь. Чего к псу привязался?

– Совсем охренела! – возмутился Домовой. – Чуть лоб не разбила. – Он скорчил неуверительную болезненную гримасу. – Голова кружится теперь... наверно сотрясение мозга...

– Нечему там сотрясаться. – Угрюмо заявила женщина. – Пошел отсюда. – Говоря это, повариха налила собаке воды и насыпала объедков. Бим благодарно вильнул хвостом.

Коля бросил взгляд на Мартина, который слезал со стула, услышав перебранку и сварливо крикнув: «Я на тебя в суд подам», – поспешно ретировался. Та в ответ показала ему средний палец.

– Не люблю этого парня, – признался Леонид. – Мерзкая личность.

Он не стал рассказывать Кате, как однажды случайно увидел Колю, который прятался в кустах на речке. Тот яростно мастурбировал, наблюдая за купающимися детьми. Но, кажется, что девушка сама знала, что за личность этот Домовой.

– Так на какое время тебя отправили в ссылку? – продолжила она разговор. – Когда родители приезжают с твоим джипом в подарочном пакете?

– Ещё надо на права сдать. – Лёня поморщился. – За руль я сяду в лучшем случае месяца через три. Правда у отца есть знакомые, наверное, можно как-то ускорить процесс. А приехать они должны через месяц. Плюс минус неделя.

– Отлично! – Катя отодвинула от себя тарелку с недо-

еденным тортом и улыбнулась парню. – Значит, у меня есть немного времени.

Леонид приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но слова так и не сорвались с его губ. Его смутила реплика девушки, на лице появился лёгкий румянец, который он попытался скрыть за бокалом лимонада.

– Не понял, – неловко усмехнулся он, хотя понял, что Катя имеет в виду. – Какого времени?

– Тебе тоже отсюда никуда не деться, как и мне. Давай смотреть правде в глаза, Роук не лучшее место для каникул, поэтому предлагаю объединиться и страдать вместе. А то чувствую, что я скоро волком на луну начну выть от тоски. Целыми днями разгребаю эту рухлядь в доме, а не добралась даже до второго этажа. И поболтать не с кем.

– Тебе помощь нужна? Я с радостью помогу...

– Нее, – Катя скривилась. – Не сколько помощь, сколько компания требуется. Так-то я сама справлюсь, но всё время дышать пылью и разгребать завалы, тоже радости мало. Хочу погулять, повеселится.

– Из местных кого-нибудь знаешь? – Леонид обнаружил, что довольная улыбка наползает на его лицо и скрыть её невозможно. – Ты же выросла здесь. Остались друзья? Родственники? Знакомые?

Катя отрицательно мотнула головой.

– Все кого помнила, поразбежались кто куда. Родственников кроме бабушки не было. А знакомств как-то не хочется

заводить.

– Это почему?

Девушка нагнулась, приложила ладошку ко рту и заговорщицким шёпотом произнесла.

– Только никому не говори, я считаю их странными. Не от мира сего.

Они рассмеялись.

– Это, наверно, потому что мы с тобой из большого города, а они всю жизнь прожили в глубинке. Менталитеты разные.

– Предлагаю вечером сходить в клуб. – Заявила Катя. – А пока можно прогуляться до водопада. Я на него ребёнком ещё ходила, помню. Интересно, какой он сейчас?

– Как-то неправильно это, – засмеялся Лёня и шутливо пригрозил пальцем девушке. – Это я должен тебя приглашать, а не наоборот.

– Так приглашай, – заявила она. – Вас парней не дождёшься. Знаешь, всего пол часа назад я была уверена, что проведу в Роуке ещё пару месяцев вырванной из жизни, погрязшая в беспробудной тоске.

Они посмотрели друг другу в глаза. Катя улыбнулась, и Леонид на долю мгновений ощутил, что его тащит куда-то какая-то непреодолимая сила.

– И что заставило тебя думать иначе? – зарделся он. Ответить Катя не успела.

– Лёньк! – раздался укоризненный голос с улицы. – Ты

чего здесь? Я дома завтрак приготовила. Или ждёшь кого?

Тётя Зина стояла у подножия ступенек, ведущих на террасу кафе, уперев руки в бока.

– Друга жду, – не моргнув глазом соврал Дачников. Потом встрепенулся и указал на Катю – Уже дождался. Она мне сейчас пойдёт водопад ваш показывать.

Он честными глазами посмотрел на тётку.

– К трём вернусь и сделаю... то, о чём ты меня просила.

Тётя Зина задумчиво смотрела на Катю.

– Давай не долго, – махнула она ему рукой, разворачиваясь и направляясь дальше по дороге. – Я одна не дотащу, спина у меня... – продолжила она непонятно кому, а потом скрылась из виду.

Леонид закатил глаза, тяжело вздохнул и поднялся.

– Надо уходить сейчас. – Сказал он девушке. – Тётка наверняка на рынок пошла с подругой, а на обратном пути не поленился сделать крюк и пройти мимо кафе, чтоб посмотреть, где я. Ещё может заставить сумки домой тащить.

Катя поднялась, закинула руку за голову и сдёрнула резинку, стягивающую хвостик. Помотав головой, чтоб волосы рассыпались по плечам, она сверкнула глазами.

– Пошли веселиться.

Глава 2

ВД

Я уже признавался, что я не писатель. Поэтому долго и нудно описывать все события в Роуке после нашего знакомства с Екатериной не буду. Расскажу только о нескольких случаях, потому что до полного понимания картины они важны. Некие такие маячки, которые цепочкой ведут мою историю от пункта А до пункта Я.

Сейчас я уже с точностью могу осознавать, что был слеп. Абсолютно. Не замечал деталей, которые бросались в глаза и должны были меня насторожить, испугать. Что это было? Ослепляющая любовь? Да и нет. Наши интересы с Катей на почве чувства одиночества в городе Роук сошлись, но это было отправной точкой. Дальше в дело включилось Катино обаяние. Она с первых минут показала, что она интересная, милая и общительная девушка, а я старался, чтоб и ей было не скучно. Так скажем, два городских пижона, сошлись на поляне общего желания развеять скуку в дремучем лесу своеобразных увлечений местной молодёжи. Мы начали гулять вместе и как-то само собой зародилась симпатия. Которая позже переросла в нечто иное.

– Они называют себя Лесными братьями, – сказала девушка, пробираясь по узкой тропинке, спрятанной между кустами папоротника и густыми деревьями. Вокруг в изобилии росла крапива, которая постоянно обжигала руки. Леонид, чертыхаясь и шипя от боли, шёл следом. – Поселение находится в паре километров от города, и спрятались они здорово.

– Я заметил, – хмыкнул Лёня, стараясь выглядеть позитивным, хотя поход его совсем не радовал.

Тропинка была извилистой, каменистой, два раза пересекалась широкими ручьями и на всём пути заросла колючими ветками, которые хлестали по лицу.

– Они типа староверов что ли? – спросил он, отплёвываясь от мошек. – Те, которые живут, воссоединившись с природой? Ходят на капища? Прыгают через костёр?

– Не уверена, что они вообще поклоняются кому-то типа Сварога, Будды или Христа. Они хорошие и славные ребята. Живут в шалашах из веток, кушают корешки, орехи, травку всякую, берегут любую букашку.

– Может они хиппи? – засмеялся Дачников. – Те тоже вроде были за мир во всём мире, курили травку, а потом ловили тараканов у себя в голове. А откуда ты их знаешь? Ведь когда ты уезжала, тебе было десять лет, как сама сказала. Неужели они всё это время жили здесь?

Катя на секунду нахмурилась, потом беззаботно махнула рукой.

– Какое-то время я гостила в Манчинске, это город в Сибирском крае. Там в тайге жила одна из коммун Лесных братьев и меня с ними познакомили. Мне сразу стало с ними легко общаться, да ты и сам поймешь, что они довольно милые. Так вот я услышала, что в округе БТ-2 тоже есть коммуна и что она обитает в Ленском лесу. Не представляешь, как я тогда удивилась, ведь это мои родные места. Было это с год назад. По приезду в Роук я сразу навела справки у местных и выяснила, что действительно в лесу около старой, заброшенной турбазы живут некие хиппи. Вреда от них нет, в розыске не числятся, документы в порядке. Это местный участковый мне рассказал. Пялился на мою грудь всё время. – Девушка хмыкнула. – Он мне и показал дорогу к ним. Я пошла, познакомилась, передала привет из Сибирской коммуны и вот хочу чтоб ты тоже с ними пообщался.

Лёня с сомнением покачал головой.

– Они точно нормальные? Не едят грибочки там всякие? Травку не курят? Я против наркотиков, ни разу не употреблял и не собираюсь.

Катя засмеялась, повернулась к Лёне и шутливо потрепала того за щёчку.

– Ути-пути, мой маленький наркодевственник. Не бойся, они не наркоманы и не извращенцы. Совокупляться тебя тоже ни с кем не заставят.

– Вот блин, а так хотелось. – Отшутился Леонид и прихлопнул комара на шее.

– Они немного необычные, но в целом выглядят как простые отдыхающие.

– И чем они занимаются целыми днями? По лесу гуляют? Водку пьют? Техника релакса может какая есть, типа йоги?

– Они песни поют красивые. Лиам на дудочке играет, Светлана на инструменте, похожем на лютню. Сама сделала из дерева. Сказки рассказывают, истории из прошлого. И кухня у них очень необычная.

– Интересно, что же служит им мотиватором целыми днями напролёт рассказывать сказки и петь песни под лютню? Похоже на секту какую-то, – скривился Леонид. – Пропагандой занимаются? Вербуют к себе?

– Нет, говорю же! И водку они не пьют! Дачников, тебе кто-нибудь говорил, что ты несносная зануда?

ВД

Лесные братья напомнили мне подвид людей, который мой папа называл огородными шизофрениками. Те, кто не видит жизни без копания в земле, сажания всяких овощей или выкапывания полезных корешков. Правда, в этот подвид чаще всего попадали люди старше пятидесяти, а средний возраст братьев на вид составлял лет двадцать пять. Пятеро парней и три девушки. Как и говорила Катя, люди они оказались довольно лёгкие в общении. Уже спустя полчаса я в одних плавках лежал в гамаке,пил морс из родни-

ковой воды и лесных ягод, разговаривая с Лиамом. Он, кажется, был здесь за старшего.

Восемь палаток были разбиты на большой поляне около ручья и, действительно, состояли из веток. Никакого брезента и алюминиевых шестов. Вокруг палаток, или лучше назвать их шалашами, братья сделали грядки. Много грядок. Ровными рядами они пересекали поляну, простирались вдоль ручья и уходили чуть ли не в чащу. Что на них росло, я не понял, но по виду на марихуану похоже не было. Кустики, ягодки, стебельки.

– Какое время вы здесь живёте? – Леонид прищурился на солнце, пожевал травинку и повернулся в гамаке к Лиаму, который бережно обкапывал какой-то кустик. – Не круглый год же?

– Нет, – ответил тот. Улыбнулся белоснежными зубами. – Хотя хотелось бы. Мы приезжаем в марте, как только снег начинает таять, а уезжаем в ноябре, когда снег ложится. Зимой здесь тяжело, даже нам, привыкшим к такому образу жизни. Приходится уезжать в город.

– А в чём прелесть такого времяпрепровождения? Отдых?

– И он тоже, – кивнул Лиам. – Мы наслаждаемся покоем. Любим здоровое питание, духовную пищу, которую нам может дать только мать природа. Трудно объяснить, это надо понять.

Леонид обратил внимание, что зубы у парня идеально

ровные, жемчужные и подумал, что видимо есть польза от такой жизни. Мимо прошёл Денис с Дарьей, они шли к ручью мыть овощи к обеду. Оба кивнули Лёне, улыбаясь такими же идеальными зубами. «Мечта дантиста» немного завистливо подумал Леонид. «Что они тут жрут, чтоб так выглядела ротовая полость?»

ВД

В целом, мы хорошо провели день. Сходили искупались в ледяном ручье, и я, наконец-то, увидел енотов-полоскунов, в честь которых назвали образованную природой Чашу, где стоял город Роук. Отведали оригинальной кухни братьев, состоящей из перетёртых кедровых орехов с черемшой, кореньев, трав, и грибов, а потом засобирались домой.

Перед уходом, одна из девушек, звали её Светлана, отвела Катю в сторонку и принялась вручать ей маленькие мешочки с какими-то травами. Раза два я услышал слово «прикорм», но стояли они далеко, большие ничего не расслышал. Ко мне подошли Лиам и Денис, поинтересоваться всё ли мне понравилось. Я заверил их, что всё хорошо. Лиам сказал, что у братьев мне всегда рады, чтоб приходил не стеснялся, а потом сказал «На откорм Бес Кант» и они с Денисом рассмеялись.

«На откорм Бес Кант»

Шутки я не понял, решив, что это что-то междусобой-

ное, но вежливо растянул губы. А потом увидел странную вещь. Зубы. У Лиамы и Дениса отсутствовали коренные зубы. Передние выделялись своими идеальными формами и белизной, а вот дальше клыков, или резцов, не знаю, как правильно их назвать, темнела пустота. Я ещё вспомнил лошадей.

Подошла Катя с остальными девушками, и мы начали прощаться. Поочерёдно обнялись, похлопали друг друга по спинам, заверили, что ещё придём и ушли.

Тогда я совсем не обратил на эту странность внимания. У всех братьев, это я рассмотрел при расставании, отсутствовали дальние зубы.

Зинаида Дачникова, ловко орудуя лопаткой, поджаривала яичницу. Леонид сидел за столом, листая пухлую общую тетрадь, исписанную убористым тёткиным почерком, с вклеенными пожелтевшими фотографиями.

– Это типа твоё хобби? – спросил он. – Вести летописи Роука?

Пожилая, худощавая женщина с долей гордости кивнула.

– Я стараюсь вносить всех интересных горожан, описывая, что они сделали для города и чем отличились. Этим никто никогда не занимался, а я считаю Чашу Енотов очень интересным местом.

– И чем же это место примечательно? – зевнул Лёня и посмотрел на часы. До встречи с Катей оставалось два часа. –

Писатели или учёные здесь не рождались. Сюда даже война не дошла.

– Весь округ БТ-2 уникальное место, – обижено поджала губы тётка. – Молодой ещё, возможно скоро поймёшь. Когда столкнёшься.

– С кем? – поднял на неё глаза Лёня.

Но женщина не ответила, перекладывая омлет на две тарелки.

– А расскажи об этом татарине, – попросил Леонид, когда они позавтракали и сидели с тётей на крыльце с чашками чая. – Рамиле и его братьях.

– Чем он тебе интересен?

Парень пожал плечами.

– Он открыл здесь ночной клуб. Это странно. Роук не то место, где подобные заведения пользуются популярностью. Хочу узнать, не кроется ли здесь... – он наклонился к Зине и зловещим шёпотом закончил, – страшной тайны! – и засмеялся.

– Ну... появился он здесь лет шесть назад. Вместе с двумя братьями, я до сих пор путаю кто из них Рамис, а кто Рушан. Поговаривали, конечно, что они убегали, опасаясь вендетты, но слухам верить... – Зина пожала плечами. – Сначала все трое работали на лесопилке, потом Рамиль ушёл на фермы, насколько я знаю, у него возник конфликт с начальником, а потом они выкупили у города старое здание, где раньше располагался архив. Отремонтировали, открыли

шашлычную, потом под танцульки приспособили, а потом переехали в подвал, где сейчас и находятся.

– И почему они туда переехали?

– Громкая музыка не давала спать по ночам жителям из близлежащих домов, а гуляли у Рамиля в основном ночью. Сам видишь, что кроме кафе Мартина общепита в Роуке больше нет, а куда идти работяге с лесопилки после десяти вечера пропустить стаканчик? Правильно, к татарину. Он работает до последнего клиента. Вот и превратил Рамиль свой «Молодняк» в ночной клуб, хотя туда в основном фермеры и лесорубы ходят.

Зинаида помолчала, задумавшись.

– Нормальные они люди, – вынесла она вердикт. – Ни разу за шесть лет ни одной стычки или грязной сплетни. Всегда учтивые, здороваются, – а потом обратилась к Лёне. – А как там внутри?

– Ты чего? – поперхнулся парень. – Ни разу к ним не заходила?

– А с чего мне туда ходить? – возмутилась тётка. – Кохтейли ваши пить? Или кости трясти под эту ужасную музыку?

Леонид захихикал, представив тётку на танцполе.

– Там очень просторно, – сказал он, – на сельскую дискотеку не похоже, как я предполагал сначала. Мягкие такие тона, цвета крепкого чая, есть даже пальмы в кадках. Бильярд есть, но он всё время занят какими-то лоботрясами. Три кабинки с диванами, отделённые от основного зала перегород-

ками, ну ты поняла, для парочек, и ещё игровые автоматы. Есть чем себя занять.

– И что вы там пьёте? – подозрительно спросила Зина.

– Кохтейли, – передразнил Лёня и засмеялся. – Есть там один, коронный. «Кирпич» называется. Из водки, сливового ликёра и лимонной эссенции. Если выпить залпом, то как будто кирпичом по башке ударили, а если растянуть на пару часов, то вполне себе хорошее пойло.

ВД

Ещё от тётки я услышал про местную достопримечательность. Водопад ЭмЭм. Мы с Катей ходили туда гулять в первый день нашего знакомства. Скажу, что после её рассказа, ходить туда мне расхотелось. История потрясала и это была не городская легенда.

ЭмЭм. Двойная М, хотя везде писали именно ЭмЭм и расшифровывалась эта аббревиатура Мёртвые Мальшии. Не знаю, какой извращенец решил увековечить в названии водопада самое жуткое событие в истории города.

Лет десять назад это было, как тётка сказала, начальный класс из двадцати школьников, в сопровождении троих учителей, пошли в поход и не вернулись. Полиция начали поиски и единственного кого нашли так это одну обезумевшую учительницу, которая сидела на берегу реки, пребывая в кататоническом трансе. Она так и не пришла в себя, и

что на самом деле произошло в тот день, около водопада, остаётся загадкой. Тела всех двадцати школьников прибило к берегу ниже по течению и, по словам очевидцев, у многих не хватало конечностей. Две учительницы пропали бесследно.

Жуть, конечно, после этой истории я ходил не в себе целый день. Тогда Катя вытащила меня на экскурсию в заброшенные штольни и там мы, взявшись за руки, чуть-чуть не поцеловались. Страшная история про малышей как-то сразу выветрилась из головы.

Осматривая бывшее место добычи угля, мы забрались в барак для рабочих, развалились на топчанах, которые когда-то служили кроватью шахтёрам и начали болтать, потихоньку пододвигаясь друг к другу. Потом наши руки сами собой сплелись, и её лицо оказалось очень близко к моему. Я чувствовал мятное дыхание, тепло тела. Губы приоткрыты, глаза закрыты... наверно, она ждала поцелуя, но меня вдруг взяла такая оторопь, что я не смог даже пошевелиться. Бросило в жар, сердце заколотилось как бешенное, а тело парализовало. Подождав несколько секунд, Катя открыла глаза, смущённо улыбнулась и отодвинулась, момент был потерян, а я не знал, куда себя девать от стыда и смущения.

Если кому интересно, то отвечаю «Нет, я не был тогда девственником!»

В пятницу в «Молодняке» народу изрядно прибавлялось.

Тяжёлый запах дыма и спиртного стал для Лёни уже привычным. Они по обыкновению сидели в кабинке. За бильярдным столом прохаживались четверо фермеров с киями в руках, и Лёня очень надеялся, что им с Екатериной сегодня удастся хоть немного поиграть. Танцпол пока пустовал. За соседним столом шумно галдели старшеклассники, отмечая день рождения.

– Забыла, как этот коктейль называется, – досадливо воскликнула Катя, щёлкая пальцами и просматривая барное меню. – Там ещё про ад что-то. И туда входит пять ликёров.

– «Фауст» что ли? – Леонид прыснул со смеху, потом взмахнул рукой и продекламировал.

«Он служит мне, и это налицо
И выбьется из мрака мне в угоду
Когда садовник сажит деревцо
Плод наперёд известен садоводу».

Катя восторженно цокнула языком.

– Супер! Обожаю, когда наизусть цитируют классические произведения!

– Что тебе мешает делать это самой? – Лёне польстил комплимент. – Ромео и Джульетта, к примеру, очень легко запоминается.

Катя отмахнулась от него.

– С памятью у меня плохо. В школе всё время проблемы из-за этого были. Принесёшь нам выпить?

Дачников двинулся к бару, где за стойкой сегодня стоял

сам Рамиль. Кивнув в знак приветствия Леониду, он молча поставил перед ним запотевший бокал с пивом.

– Девушка что сегодня пить будет? – спросил он, улыбаясь золотыми фиксами во рту. – «Фауст»? «Корнбери»? Или может «Далай-ламу»?

Леонида удивила осведомлённость татарина о предпочтении Кати в коктейлях.

– Налей два «Фауста», пива не надо, – он отодвинул бокал рукой. – И насыпь солёных сухариков, пожалуйста.

– Мяса копчёного хочешь? – хитро ухмыльнулся Рамиль. – Братья недавно целый окорок закоптили, для себя делали, сами кушать будем, но тебя брат угощу. И девушка в восторге будет, вот клянусь.

Леонид кивнул головой и показал большой палец вверх, размышляя, а не кроется ли за этим внезапным приступом щедрости подвох.

– Всё принесу, – сказал татарин, доставая бутылки с полки, и Леонид пошёл к Кате в кабинку.

ВД

Сейчас вспоминаю, и сердце сладко ноет, когда встает перед глазами полумрак клуба, дым, витающий в воздухе, музыка, вкуснейшее копчёное мясо, которое я когда-либо пробовал и Катя. Мы сидели в обнимку, потягивали коктейль, который на мой вкус был слишком крепким. Или это

я просто пьянел от ситуации. Да, в тот вечер я понял, что влюблён. Мне было хорошо с Катей, не хотелось её отпустить ни на минуту от себя. Она курила и смотрела на меня своими серыми глазами, в которых я видел нежность и интерес. Похотливый? Нет. Завораживающий, да, с изрядной долей ответных чувств. Может, конечно, я видел там только то, что хотел, не знаю, но было приятно, что человек отвечает взаимностью.

Мы выпили по три бокала «Фауста», нас изрядно развезло и пошли танцевать. Под медленную композицию Селин Дион я прижал её разгорячённое тело к себе, и мы слились в долгом поцелуе.

Шёл третий час ночи, когда в клубе объявился Коля Тимченко под руку с потасканного вида девушкой лет тридцати. Они громко потребовали отдельную кабинку, пива и закуски. Так как кабинки были все заняты, то Рамиль предложил пьяной парочке присесть за один из столиков в зале. Домовой ответил грубым отказом, за что и был выведен из клуба под руки двумя дюжими братьями Рамиля. Его спутница осталась сидеть за стойкой, пустым взглядом выискивая, кто бы угостил её выпивкой. Такой нашёлся быстро. Через полчаса они удалились в туалет, перед этим купив на баре пачку презервативов.

Катя пьяно шурилась от дыма сигареты, которая висела у неё в уголке рта, допивала коктейль, периодически прижи-

маясь к плечу Лёни. Тот медленно мешал крепкий чай. Три бокала «Фауста» почти свалили его с ног. А ещё он думал, чем же закончится этот вечер. Ответила Катя.

– Ты не будешь против, если я скажу, что провожать меня не надо, – вдруг сказала она, смотря Лёне в глаза. И добавила. – Не сегодня.

Тот кивнул. Улыбнулся хоть и слегка натянуто.

– Я пойду.

Она поцеловала парня в щёку и пошла к выходу. Леонид, ничего не понимая, провожал её задумчивым взглядом.

ВД

Я отчётливо помню то утро после нашего первого с Катей поцелуя в клубе. Проснулся я с головной болью со смешанным чувством непонятного влечения к ней, и долей непонимания. Быстро, пока тётка не успела придумать мне работу на весь день, я умылся, собрался и побежал к кафе «Горячие обеды». По дороге всё думал, как теперь будут развиваться наши отношения. После поцелуя. Не возникнет ли отчуждения? Почему она вчера не захотела, чтоб я её провожал? Ей не понравилось, и она поняла, что я ошибка? Как выяснилось, переживал зря.

Уже подходя к террасе, я увидел Екатерину за крайним столиком с чашкой кофе. Она улыбалась мне. «Куда пой-

дем?» спросила она.

Перед первым серьёзным потрясением в городе Роук оставался один день.

Система вентиляции в клубе «Молодняк» сломалась. Рамиль оповещал об этом всех входящих в клуб и настоятельно рекомендовал выходить курить на улицу, чтоб к полуночи посетители сами не задохнулись в своих же парах. Два кондиционера под потолком и так работали из рук вон плохо, а сегодня совсем встали.

– Весело, – кисло произнесла Катя. – Через час здесь можно будет топор вешать.

– Может, просто погуляем? – предложил Леонид.

– Нет, – девушка решительно тряхнула своими чёрными локонами, которые сегодня она завила в затейливые спиральки. – У меня сегодня праздник и я хочу выпить.

– Какой праздник? – удивился парень. – Ты ничего не говорила!

– Успокойся. Ничего важного. Праздник семейный, специфический, просто поднимаем стакан в этот день в дань некой старой традиции.

Они сели на своё любимое место в кабинке, которое Рамиль специально держал для них, и взяли пива с фисташками.

– Расскажешь про семейный праздник? Или это секрет? – Лёня сразу приобнял девушку за плечи. Та мотнула головой

и чмокнула его в губы.

– Ничего интересного на самом деле. Называется Дхен-Рут. В этот день наше семейство вспоминает ушедших.

Леонид странно смотрел на девушку. Слово Дхен-Рут Катя произнесла с непередаваемой интонацией. Как будто выплюнула из горла.

– Мы просто выпьем, посидим, я отдам дань этому старому празднику и пойдём играть в бильярд. Кстати, он пока свободен.

ВД

Не могу точно объяснить тот момент. Просто вот мы сидим и говорим об этом семейном празднике, что-то про бильярд, а потом провал. Без переходов наступила полночь, перед нами по три пустых бокала, гора очисток от фисташек, и я рассказываю про своего отца.

– Ты говорил что-то о своём отце, Лёнь.

– Да, это папа научил меня играть в русский бильярд. Всегда говорил «Сын, если хочешь чему-нибудь научиться, сразу бери сложный уровень. Или через муки освоишь предмет, или сдашься. Не надо никаких полумер».

– Крутой у тебя отец, – Катя кивнула. – Бизнесмен, немного учёный, может ещё и спортом занимается?

Улыбка Лёни слегка увяла.

– Был спортсменом. Бегал, боксировал.

– А сейчас что случилось?

– Перенёс две операции на сердце. Работа его измотала.

Поэтому сейчас мама его одного никуда не отпускает, всюду в командировки за ним ездит. Контракт, который они заключают сейчас, позволит ему открыть филиал в нашем городе и наконец-то, уйти на покой. Это его голубая мечта.

Екатерина понимающе кивнула, посмотрела в сторону и сказала.

– Пойду в автомат поиграю. Рекорд хочу побить. Закажи еще пива с фисташками.

Катя отошла к компьютерному автомату, стоявшему в дальнем конце зала и, кинув монетку, принялась давить клавиши. Лёня поискал взглядом официантку, не нашёл и решил сам сходить до бара, как увидел Александра. Идти к стойке ему сразу расхотелось.

Саша по прозвищу Логотип являл собой неотъемлемую единицу каждого уважающего себя общества в небольшом городке и имел самую плохую репутацию зачинщика драк и скандалиста. Он не упускал возможности спровоцировать на грубость, а тупой и злобный нрав делал его совсем уж неприятной личностью.

Он сидел около бара, на вертящемся стульчике, лицом к залу, положив локти на стойку, что придавало позе самый вызывающий вид. Высокий, жилистый, с немытыми волосами, которые были подстрижены как-то клочковато, он нагло

осматривал каждого проходящего мимо, отпускал сальные шуточки в сторону девушек и сплёвывал под ноги, если к нему приближались мужчины.

Леонид знал, что в клубе Саша появляется нечасто, предпочитая напиваться в компании двух своих друзей где-нибудь в парке дешёвым самогоном, поэтому немного удивился, увидев его здесь. Неприятно удивился.

Логотип работал на «Роук-Инк», грузчиком на причале, где по слухам неплохо платили. Жил один в большом, но пустом доме в старом районе, и всё свободное от работы время пьянствовал, ходил по городу и искал повод подраться и унижить. Без причины. Просто есть такие люди на земле.

«Чего ему здесь надо?» недовольно пробурчал Лифатов, сосед тётки Леонида, а в этот вечер сосед самого Лёни по кабинкам. Они с женой сидели за стеночкой от него.

– Толь, только не лезь, ладно? – послышался голос его сурруги. – Ну его на хер! Ну нажрался, ну царапнул машину тогда, что теперь то вспоминать... Сейчас пойдёшь разбиться, Рамиль нас попросит уйти, а я ещё поиграть хотела.

Лифатов с ворчанием отвернулся от Логотипа, который как раз опрокидывал в себя стакан с янтарной жидкостью и шумно, демонстративно выдыхая.

– Повод наверно есть прийти сюда, – услышал Лёня.

Рамиль, хозяин заведения, который относился к Саше с открытым презрением, сидел за баром, потягивал кальян,

дымил, поглядывая сквозь клубы дыма на развалившегося задиру. Бдел. Не раз Логотип становился зачинщиком драк в клубе, и Рамиль некоторое время даже запрещал ему появляться здесь. Прошло время и видимо он сменил гнев на милость. Да и «правило клиента» никто не отменял. Саша оставлял здесь деньги, и пока не выходил за рамки приличия, ему были здесь относительно рады.

Он сидел, вызываяще глазел на толпу в зале, заказывал недорогой коньяк и методично вливал его в себя, пьянея на глазах.

– Если бы не Синельник, сидел бы уж давно, – продолжал ворчать Лифатов, попивая пиво. – Есть за что эту суку на нары кинуть лет на десять. Все это знают.

– Все знают, – поддакнула жена. – И никто ничего не делает, так что молчи, сиди.

Леонид, услышав фамилию Синельник, вспомнил тучного участкового, которого он с тёткой видел в магазине. Зинаида ему показала на полицейского и рассказала, что этот боров является главой их отделения. Сложив два и два, Лёня догадался, что Логотип по неизвестной причине имеет неофициальную защиту или опеку у местного представителя власти. Теперь стала понятна причина боязни и ненависти к этому субъекту помимо склочного характера. По разговорам, немногие жители Роука могли похвастаться тем, что ни разу не вступали в конфликт с Логотипом. По тем же разговорам было известно что прозвище Логотип возникло благо-

даря большой надписи «ЛОГО», вышитой стальными клёпками на спине его джинсовой куртки, с которой он никогда не расставался. Что означала эта надпись, не знал никто.

Выискивая официантку, Леонид заметил, что Логотип сидит, уже изрядно напившись. Его стеклянные глаза, красные, в сеточке лопнувших кровеносных сосудов, заторможено шарили по залу в поисках жертвы. Это читалось без труда. Рамиль за стойкой не сводил с него взгляда. Пожалуй, он единственный, кто не боялся задиру.

Проходящую мимо девушку с подносом, Лёня перехватил в последний момент. Улыбнулся, попросил принести ещё пива с орешками и сел максимально глубоко в кабинке, скрывшись от взора Саши.

ВД

Бережного бог бережёт, так ведь? Поэтому я забился в угол, чтоб не попасться на глаза этому придурку. Все знают, как деревенские к городским относятся, пусть даже Рок и не деревня в прямом понимании. Скажем, как к чужакам относятся, так верней будет. Уверен, что встретить Саша меня на улице, он не упустил бы возможность пристать с вызывающими вопросами из разряда «Ты кто такой? Откуда такой красивый взялся?» и подобные провокации. А потом, неважно как бы я хотел замять конфликт, всё закончилось бы дракой.

Поэтому я сидел, пил пиво, грыз орешки, выглядывая, чтоб узнать как там Катя. Выбивая на игровом автомате очередную комбинацию, она похоже шла на рекорд, судя по довольным возгласам. Так наверно бы и шло...

Сразу скажу, я упустил сам момент, когда Логотип наконец-то выискал себе жертву для забав на этот вечер. Я как раз откашливался от очередной прикуренной сигареты. Вероятно, он заметил девушку, лицо которой ему показалось незнакомым. А как так могло произойти, Саша и пошёл выяснить. Он же местный. Родился и вырос в Роуке. А тут симпатичная брюнетка с хорошей фигурой, стоит и радуется выигрышу в автомате. Только знакомство у него происходило по особой системе.

Я почувствовал неладное, когда услышал возмущённый голос Кати «А не пойти ли тебе в жопу, козёл!» И сразу понял, что у нас проблемы. Почему то даже не сомневался что это Логотип. Сердце заколотилось в груди, лицо запылало, и я пулей выскочил из кабинки.

Катя стояла спиной к стене, зажата с двух сторон игровыми автоматами. К ней почти вплотную прижимался Саша, похабно скалясь, одной рукой перегораживая проход, второй пытаясь ухватит за грудь. Та каждый раз со шлепком отбивала его тянущуюся ладонь.

– Да ладно тебе, – веселился Логотип. – Чё ты бесишься? Пойдём я тебя угощу...

– Отвали баран! – крикнула Катя. Попыталась вырваться, но была отброшена обратно к стене.

Стоящий рядом парень в куртке «Роук-Инк» отошёл от них и сделал вид, что наблюдает за игрой на бильярде. Сами игроки, мужчина и женщина старательно не замечали происходящее у автомата. Из двадцати человек, сидящих в зале, только Лифатов не делал вид, что ничего не происходит, но его за руку крепко держала жена с яростным посылом в глазах «только попробуй влезь»

Катя попыталась бороться, но лишь ещё больше разве-селила и раззадорила Сашу. Тот даже умудрился резко на-гнуть к ней и чмокнуть в щёку. Девушка сморщилась от омерзения, упёрлась ладонками тому в грудь и толкнула что есть сил. Это было всё равно, что толкнуть грузовик. Высокий и жилистый Логотип обладал хорошей мышечной мас-сой от природы, присовокупив к ней каждодневные таскания грузов на причале. Плюс настойчивость пьяного задиры.

Его рука, наконец, достигла цели, ухватив девушку за грудь. Та пискнула от боли.

– Чё, намокла девочка? – довольно пробасил Саша, при-жал Катю к себе, высунул язык и облизнул её щёку. Вторая его рука уже сжимала ягодицу.

Дымный, накуренный зал. Многоголосый гомон переме-жался с попсовой музыкой. Никто не думал реагировать на происходящее.

– Уйди сука... – заплакала Катя не в силах отодрать от

себя Логотипа. – Я сейчас... позову...

– Кого? – удивился Саша и наигранно огляделся. – Всем по хрену на тебя. У меня только один вопрос, как это я тебя здесь раньше не видел?

С лоснящегося лица Логотипа внезапно сошла похотливая улыбка. Он недоумённо дёрнул головой, словно отгоняя назойливую муху, отпустил руки, ворот его джинсовой куртки натянулся, и он отлетел от Кати с удивлённым возгласом. Загремел опрокинутый столик, на который тот упал, зазвенели стаканы, посетители шарахнулись в стороны, кто-то вскрикнул. Перед девушкой стоял Леонид, тяжело дыша, сжимая кулаки и яростно сверкая глазами. Рамиль, которого не было видно до этого, выскочил из-за стойки со своим братом и встал между Леонидом и поверженным Сашей.

– Хватит! – гаркнул он.

Музыка в зале вдруг стихла. Зло посмотрев на встающего с пола Логотипа, он кивнул Леониду.

– Заплатишь на разбитую посуду, понял? И наперёд, городской, у нас здесь не дерутся.

– Он начал приставать... – возмущённо закричал было Лёня, но татарин заставил его замолчать взмахом руки.

– Сука, да тебе конец блядь... – Логотип поднимался с пола с пылающим бешенством в глазах. – Я тебя...

– Идите на улицу разбирайтесь! – жёстко сказал Рамиль и схватил кинувшегося вперёд Сашу за руку. Тот дёрнулся, но из стальной хватки татарина вырваться сил не хватило.

Рамиль притянул его к себе – Чтоб ты у меня здесь больше не появлялся. – Прошипел он.

Бородатое лицо Рамиля и пунцовое от ярости Логотипа сошлись нос к носу. Молча сверлили друг друга взглядом около трёх секунд.

– Да нужен мне твой свинарник, – наконец расплылся в гадливой улыбке Саша. – Я б и не пришёл, если... – он не договорил.

Что «если», так никто и не узнал, потому что Логотип выдернул руку из хватки Рамиля, отряхнул куртку, пьяными глазами обвёл притихших посетителей в клубе и развернулся к выходу.

Леонид так и стоял, заслоняя Катю, с сжатыми кулаками и тяжело дыша. Девушка выглядывала из-за его плеча, наблюдая, как Логотип неуверенным шагом движется к выходу. Снова заиграла музыка, видимо бармен решил, что ссора исчерпана и пора продолжать. Народ в зале возбуждённо переговариваясь вернулись к прерванным занятиям. Застучали бильярдные шары, зазвенели бокалы.

Катя вдруг схватила Лёню за плечо, развернула к себе и заключила в объятия, крепко прижав к груди.

– Спасибо! – прошептала она. – Ты поступил как рыцарь из этих красивых романов.

Леонид, судя по виду пребывавший в некой прострации, растерянно кивнул и вдруг улыбнулся.

– Не оставлю же я тебя, – ответил он и тоже обнял Катю.

Громкий звук у входа заставил Лёню вздрогнуть и повернуть голову. Саша, умышленно хлопнув дверью, увидел, что привлёк внимание парня и довольно мерзко осклабился, высунув язык чуть ли не до подбородка.

– Дааа, пижон. Я тебя знаааю, – растягивая слова засмеялся он. – Будь уверен, мы ещё встретимся... Ты ещё не понял, что натворил козёл. Ещё не понял...

Рамиль зло дёрнул губами и сделал угрожающий шаг к Саше, но тот выставил перед собой руки и глумливо пропищал.

– Ухожу ухожу Рамильджян, не бейте пжялюста вай вай, – он захохотал во всё горло и вышел из клуба. Татарин грязно выругался и ушёл к бару.

– Придурок, – сказала Катя, всё ещё прижимаясь к Лёне. – Ладно, забыли. Пошли ещё посидим, а то этих выходок у меня весь хмель выветрился.

Она выпустила парня из объятий и пошла в кабинку. Леонид остался стоять на месте, смотря невидящим взглядом на входную дверь, словно ожидая, что Логотип вернётся и исполнит свою угрозу.

– Конфликт закончен, – пробормотал он себе под нос. – Закончен...

ВД

Понимаете, что последние слова Логотипа меня не на шутку встревожили. Его скверный нрав знали все. Он не за-

будет и не простит. До этих пор мне удавалось избегать встреч с Логотипом и его двумя друзьями, но они не знали меня. А теперь наверняка будут выслеживать. И что делать? Дома прятаться? Или обратиться к участковому Синельнику, который открыто его покрывает?

В тот вечер я не боялся, потому что все страхи вытеснили поцелуи Кати. Она лежала у меня в объятиях, она назвала меня рыцарем, она затискала меня всего в безумном восторге от моего поступка. Весь оставшийся вечер девушка смотрела на меня светящимися от любви и нежности глазами. Это того стоило.

Мы пили пиво, нам уступили бильярд, но всё это время я ловил на себе сочувственные взгляды посетителей. Уверен на сто процентов, никто из них, ни за что на свете, сейчас не согласился бы поменяться со мной местами.

Поднявшись по лестнице, Леонид пропустил вперед Катерину и вышел сам в душную ночь. После атмосферы «Молодняка», насыщенной тяжёлыми парами табачного дыма и алкоголя, воздух на улице казался апофеозом чистоты и свежести.

– Очаровательная, таинственная безлюдность, – выдохнул Леонид и задрал голову, посмотрел на полную луну, которая проглядывала сквозь рваные облака. Опьянение у него потихоньку проходило, замещаясь приятным чувством тепла от осознания, что тебя любят.

– Как хорошо! – вздохнула Катя, прижимаясь к плечу Лёни, и тот согласился. Действительно, душа у него сладко ныла от ощущения происходящего. На сердце пела любовь, голова кружилась в опьянении, в животе порхали бабочки.

Взявшись за руки, они не спеша двинулись прямо по улице, наслаждаясь тишиной и свежим воздухом, вдыхая наполненный нектарами запах летней ночи. Тренькали невидимые сверчки, монотонно жужжали вдалеке ветряки.

– Мельницы, – сказал Леонид и махнул рукой в сторону невидимых в ночи холмов. – Первый раз в жизни я увидел их именно здесь. Они ведь действительно работают? Снабжают город электричеством?

Катя бросила на него задумчивый взгляд.

– Работают да, исходя из того, что лопасти крутятся. – Она засмеялась. – А вот снабжают ли кого электричеством, этого, похоже, не знает никто.

– Как так? – он удивлённо посмотрел на неё, подумав, что она шутит. – Этих мельниц на холме штук сто наверно, не меньше. Кто-то же их поставил?

– Если тебе это действительно интересно, то расскажу что знаю. – Катя закурила сигарету. – Жил здесь в Роуке один человек, лет двадцать тридцать назад. Фамилия у него очень запоминающаяся, на слуху у всех местных, только я её забыла. Очень богатый, красивый и умный, короче мечта, а не мужчина.

– Прямо эталон. – Вставил Дачников. – На чём он своё со-

стояние поднял в этих краях? Нефть в Спящих холмах нашёл?

– Он не отсюда сам. Приезжий. На чём заработал свои миллиарды, никто не знает, да особо никто и не интересовался. Он вложил достаточно личных средств в облагораживании этого городка, и все жители были ему весьма признательны и вопросов лишних не задавали.

– Он ещё и добродетель? С ума сойти. А где подвох?

– У него была идея фикс построить город. Свой город.

– Типа город мечты с идеальными условиями существования?

Катя пожала плечами.

– Да нет вроде. Просто город. Назвать его в свою честь, стать мэром и сидеть до конца жизни возиться с ним как ребёнок с кукольным домиком.

– Судя по всему ему, не удалось воплотить свою мечту в жизнь, – Лёня хмыкнул, многозначительно посмотрев на облезлый фасад дома культуры, который показался от них слева. – А причём тут мельницы?

– Насколько я знаю, ему удалось выкупить весь этот участок земли от Горловины и до Хребта. Вся Чаша Енотов принадлежала, а возможно и до сих пор принадлежит ему. Он планировал снести деревеньку, а тогда Роук насчитывало едва домов тридцать, полностью и начать возводить с нуля свой город. Что-то он успел сделать, канализацию, к примеру, но, к сожалению, по неизвестным обстоятельствам ему

пришлось спешно свернуть всё строительство и скрыться в неизвестном направлении. Ветряные мельницы стали в своём роде авангардом строительства Роука и были призваны обеспечивать будущий мегаполис электричеством и не зависеть от внешнего мира. По сути, он планировал вообще сделать город автономным. Мне до сих пор интересно, что бы из этого получилось. Тогда запустились водонасосная и электростанции, после этого всё и стихло.

– То есть мельницы, по сути, работают, но не на город?

– Да, – Катя выкинула окурок в кусты. – И никто не знает, на что они работают. Многие старожилы, кстати, всё ждут второго пришествия Великого Благодетеля, говорят, что он или его потомок вернётся сюда и завершит начатое.

– Долго ждут? – невинно осведомился Леонид.

– Да лет тридцать, – ответила Катя, подумала и разразилась смехом. – Долго же им ещё ждать придется, похоже, потому что до сих пор о нём ни слуху, ни духу не было.

Они посмеялись.

От «Молодняка» пара отошла всего метров на двести, когда Лёня увидел их. Саша Логотип развалился на деревянной лавке, испещренной похабными надписями. Он что-то громко говорил, размахивая рукой, сплёвывал и указывал в сторону холмов. Под лавкой лежали две пустых бутылки из-под водки, третья, едва начатая, стояла у ног Логотипа. Поднеся пластиковый стаканчик ко рту, он сделал три глотательных движения, выдохнул и затаился истлевшей почти

до фильтра сигаретой. Рядом на корточках сидел тощий и рыжий парень с голым торсом. Василий Шкурик или просто Василь. Его друг, собутыльник и мелкая мразь с садистскими наклонностями. Судя по падающей постоянно на грудь голове, он был изрядно пьян, и еле удерживал равновесие. Около него, к стволу карагача, прислонившись мощным телом, стоял Мицуба. Тётя Зина как-то поведала за завтраком жуткую историю, как этот здоровяк собственными руками придушил собственного отца и вышел сухим из воды благодаря всё тому же Синельнику. Леониду сделалось нехорошо.

Местные ждали, и Леонид знал кого. Их с Катей. Та угроза в клубе была брошена не в целях просто напугать.

– Монашку из себя строит, – говорил Логотип, презрительно скорчив лицо, – а сама уже на второй день у меня в рот взя... – он замолчал, увидеть остановившуюся в метрах от них Леонида и Катю. Глаза Саши, пьяные и налитые кровью осветились какой-то безумной радостью. Мицуба, проследив за его взглядом, тоже уставился на парня с девушкой. Даже Василь вскинул голову посмотреть на причину внезапного молчания.

– Опа... – протянул Мицуба, отлипая от дерева и расправляя широкие плечи.

– Фраер со своей соской... – пробормотал онемевшими губами Василь, вытирая тыльной стороной ладони слюни с подбородка. – Явился мать его...

Испугался ли я? Нет. Меня просто охватила паника. Тошнотворный ужас. Скрутило так, что я всерьёз испугался обморока. Троица в припадке ярости вполне могли серьёзно покалечить меня. Выбитые зубы, переломы, гематомы. Могли сделать даже калеккой и наверно я не преувеличиваю. Я уже был наслышан о пьяных разборках в городе, участниками которых чаще всего являлась группа Логотипа. В кафе у Мартина любили смачно и в красках рассказывать о стычках. Кого как избили и какие увечья нанесли. Пересчитывали переломы, разрывы связок, выбитые зубы. Уж не знаю, откуда у них была такая нездоровая страсть к периодическим вспышкам насилия на улицах Роука.

– Мне всё равно, что станет с этим городом, если честно, – сказала Катя. – Я всё равно уеду отсюда. И вернётся Великий Благодетель или нет... что с тобой Лёнь?

Леонид, который изрядно побелел лицом, медленно перевёл испуганный взгляд с троицы на девушку, и к выражению ужаса прибавилось изумление. Катя беззаботно прикуривала сигарету. Она, не обращая внимания на угрозу, невозмутимо продолжала разговор о городе, мельницах и таинственном Благодетеле. Она явно заметила Логотипа с друзьями, она однозначно понимала, зачем те поджидают их с клуба, но, похоже, что её это нисколько не волновало. И это была

не показная храбрость. Ей было действительно не страшно.

– Лёёняя... – пощёлкала пальцами перед лицом парня Катя. – Приём приём, земля вызывает Леонида. Ты чего застыл, как будто привидение увидел?

Саша Логотип поднялся с лавочки, с трудом встал Василь и теперь они нарочито медленными шагами приближались к Лёне и Кате. Спешить теперь им было некуда. Попались.

– Он не привидение увидел, – глумливо улыбнулся Логотип, хрустя костяшками. – Мы кое-что похуже призраков.

Шаг за шагом троица приближалась.

– Я уже думал гавнюк, что мне за тобой придётся в клуб вернуться, – продолжал Саша. – Устали мы ждать с парнями вот честно.

– Молись козёл... – пьяно проблеял Василь.

Хмель как-то сразу выветрился из головы Леонида, ноги стали ватными, а в животе судорожно сжалось и заныло. Катя, видя, что парень не реагирует на её призывы, надула губки и сонно посмотрела на Логотипа, который подошёл к ним на расстоянии двух шагов и встал, скрестив руки на груди. Василь и Мицуба держались чуть позади. Секунды две три стояла тишина и игра в гляделки. Лёня вмиг осунулся, позеленел, троица хулиганов смотрели с безумным весельем. Глаза Кати, прижавшейся щекой к плечу парня, выглядели осоловело. И уж совсем не к месту она широко зевнула, прикрыв рот ладошкой.

Это было не просто кошмаром. Я не понимал невозмутимости Кати. Ситуация страшней не придумаешь. Даже не знаю, что в тот момент приводило меня в больший ужас: то, что нас сейчас будут калечить или то, почему, боже, почему она такая спокойная?!

До компании на пустой улице вдруг стала доноситься музыка из «Молодняка». Кто-то вышел на улицу перекурить и не закрыл дверь. Теперь глухие буцкающие звуки раздавались далеко над ночным Роуком. Гулянье там продолжалось.

Леонид внезапно вышел из ступора. Леонид собрался. Он был с девушкой. Ей грозит опасность. Леонид затравленно огляделся в поисках кого-то, кто мог помочь. Хотя сам понимал, что в городе вряд ли кто по доброй воле отважится переходить дороге Логотипу, Мицубе и Василию.

– Нет никого, – сочувственно развёл руками Логотип, с насмешкой наблюдая, как Лёня оглядывается, в надежде высмотреть людей. – Все спят. И сейчас я пожалуй сделаю так, что и ты заснёшь. Надолго.

– Может они попытаются убежать? – с надеждой спросил Мицуба у Саши из-за спины. – В прошлый раз с этим типчиком из Лесовиков было весело я помню. – Он сипло засмеялся, видимо что-то вспомнив. Логотип кивнул, не отрывая пристального взгляда от Леонида. Он буквально наслаждался

ся ситуацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.